

18+

Николай Углов
Беспокойные покойники

Николай Углов

Беспокойные покойники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49801333

ISBN 9785449805423

Аннотация

Большинство представленных автором мистических рассказов происходит в послевоенное время. Деревушка в глухой сибирской тайге. Местное население – малограмотные невежественные люди, искренне верящие в нечистую силу. В деревне действительно происходят необъяснимые явления и события. Автор пытается определить их суть. Также есть рассказы, мистические события которых произошли во взрослой жизни автора.

Содержание

Жуткая ночь	7
В пещере с Дьяволом	21
Крепыши с дубинками	29
Зловещее и непонятное	33
Синописис	34
Оборотни	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Беспокойные покойники

Николай Углов

© Николай Углов, 2020

ISBN 978-5-4498-0542-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Большинство представленных автором мистических рассказов происходят в послевоенное время. Деревушка в глухой сибирской тайге. Местное население – малограмотные невежественные люди, искренне верящие в нечистую силу. В деревне действительно происходят необъяснимые явления и события. Автор пытается определить их суть. Также

есть рассказы, мистические события которых произошли во взрослой жизни автора.

Жуткая ночь

Произошло это событие в детстве, когда мне было четырнадцать лет. Мы жили в глухой таёжной деревеньке на севере Новосибирской области. Куда не кинь взгляд – кругом тайга и болота! До районного села Пихтовки пятьдесят километров. Но недалеко от нашего посёлка также было несколько деревень, расположенных вдоль речки Шегарки. Расстояние между ними было от шести до десяти километров. Заготовка сена для животных приходилась на нас со старшим братом, впрочем, как и дров, воды с речки наносить на коромыслах для себя, коровы, свиней и птиц и т. д. А летом, вдобавок, большой огород, где выращивали картофель и другие овощи, а также иные хозяйственные заботы по дому. Надо ли говорить, как мы ждали воскресенья! Это был наш день! Летом в этот день у нас была рыбалка, игры в лапту и прочие забавы. А зимой – походы в тайгу, где мы ставили петли на куropаток и зайцев.

Вспоминаю этот роковой день. Утром разбудил ароматный запах затирухи. Это мама приготовила моё любимое блюдо. Заглядывает на печь, на которой я спал, тормошит, ласково говорит:

– Вставай, Колюшок! Затируха готова! Опять, небось, побежишь за своими зайцами?

– Конечно, мама! Целую неделю стоят петли. Что-нибудь да поймается! В прошлый раз было сразу два зайца. Разве это плохо? Одного, правда, отдали Кобзевым. Но не жалко! Хорошие соседи, да и пятеро детей у них.

– Всё правильно, Коленька! Но в это воскресенье я бы не советовала тебе бежать в тайгу. Вот приедет Шурка с Пихтовки – тогда вдвоём идите. Так не страшно.

– А что случилось, мама? Я почти всегда бегаю один в лес. Шурка не охотник. Пока его допросишься...

– Ты что, не знаешь? Около деревни появилась шальная стая волков. Они откуда-то приبلудились к нам. У нас же волков почти никогда не бывает. Они не любят болота. А эти звери, говорят, аж с Алтая. Наглые, смелые – никого не боятся! Сколько уже собак с деревни разорвали!

– Да знаю, мама. Что собаки? Вон, говорят, учительницу с Каурушки съели. Шла она поздно в интернат – а это шесть километров. Тетрадки с собой несла на проверку. Окружили её – она начала жечь тетрадки, отгонять их. Когда сожгла все сорок тетрадей – тут они и набросились на неё! Утром нашли в разных местах только обгрызенные ноги в пимах. Не смогли, сволочи, разгрызть твёрдый войлок.

– Вот видишь? Я это тоже слышала. Думала, что врут люди – пугают детей. Нет, не пойдёшь ты сегодня никуда!

– Ну, мам! Я так ждал это воскресенье! У меня петли поставлены в таких укромных местах – обязательно что-нибудь попадётся! Я постараюсь пораньше вернуться – до темноты.

Волки, если они есть, днём никогда не нападут! Они спят, а охотятся ночью.

– Я сказала – не пойдёшь! Что-то мне тревожно на душе. Лучше наколи дров – печку нечем топить.

– Мама! Я сейчас быстро наколю тебе дров. Ну, отпусти! Ведь петли за неделю занесёт снегом, и я их не найду. И так проволоки нет у меня – всё на скрутках! Это хорошо, что за эту неделю не было метели. А если будет на этой?

– Ладно, репейник! Кого хочешь – уговоришь! Не забудь спички взять. Если замёрзнешь – погрейся у костра!

Вихрем сорвался из избы! Колуном и топором работал как бешеный! Скоро гора дров красовалась у порога избы. Знал бы я в то время, как эта задержка скажется в этот день – не стал бы колоть дрова. Да и мать дала оплошку, задержав меня с этими дровами. Вскочил на лыжи, сунул краюху хлеба за пазуху, охотничий нож (моя гордость) и помчался в лес.

Стоял прекрасный январский денёк, какие бывают очень редко. Тишина в лесу, только скрип моих лыж. Где-то вдалеке стрекочут сороки. Деревья стоят все в куржаке, солнце слепит глаза, снег искрится миллиардами светлячков. Красота неопишуемая! Я легко отталкиваюсь лыжными палками от хрустящего наста. Даже и не догадываюсь, что эти палки спасут мне сегодня жизнь! Думаю:

– «А лыжные палки у меня особенные! Ни у одного деревенского парнишки нет таких! Настоящие, фабричные!

С ремешками, кольцами на конце и острыми пиками. Мне их привёз из Новосибирска знакомый завхоз больницы, когда ездил в Райпотребсоюз за продуктами для больницы. Сколько раз мне предлагал Витька Шестаков, Васька Зыкин и Афонька Кобзев поменять их на перочинный ножик (у меня самого есть), большой глобус и офигенный поджиг, но я не захотел. И правильно сделал! Пусть завидуют!»

В первых двух петлях ничего не было. Оставались еще две – они стояли чуть дальше, и ещё были волосяные петли у дальних калиновых кустов, что окружали Дегтярный ручей.

Вот они! Есть! Две куропатки «победно» вытянули шеи и болтались, приятно радуя глаз. Они только что попались в две крайние петли из конского волоса, т.к. были ещё почти тёплыми. Остальные петли были оборваны и перемотаны – кругом перья и капли крови. Здесь явно побывала лисица. А может волк? Я не стал снова ставить петли, т.к. их попросту невозможно было собрать. Решил в следующий раз специально придти сюда и настроить побольше петель – хорошее место, и калины много. Я её всегда ломал пучками и скидывал между петель – белые куропатки любят гулять по снегу. Склёвывают красную ягоду, бродят бестолково, и запутываются в силках.

В третьей петле на зайцев ничего не было. Подбежал к четвёртой – её нет! Что такое? Опять сорвал беляк – какая

досада! Площадка, где стояла петля, вся утоптана, кругом жёлтые разводы от мочи – здорово сражался заяц за свою жизнь! И вдруг, в стороне, под корягой увидел замёрзшего зайца! Огромный и сильный беляк сдвинул согнутую дугой и вмёрзшуюся в землю ветку осины, на которой была петля. Довольный добычей, освободил от петли зайца, и снова настроил её невдалеке. Пора и домой!

Пересекая большую поляну, вдруг увидел странный след. Кто-то как бы проехал плугом. Длинная борозда уводила в ближайший околос. Пригляделся – сбоку борозды стёжка лисьих следов. Так и есть – лиса попала в чей-то капкан, сорвала его, и теперь тащит его на ноге, испытывая трудности и боль. Я обрадовался – вот день! Две куропатки в сумке, за плечом большой беляк, а теперь, возможно, добуду лису!

Быстро побежал по следу. Но он всё дальше и дальше уводил меня от деревни. Это я понял, когда начался Красный лес. Так мужики называли сосновый бор, который был в восьми – десяти километрах от нашего села. Я, было, решил прекратить преследование, но вдруг вдалеке мелькнула лиса. Это ещё более раззадорило меня, и я кинулся преследовать её с новой силой. Вскоре догнал её. Лиса остановилась и приготовилась защищаться. Она вся дрожала, рычала и скалилась. На передней лапке был капкан, который превратился в большой ледяной ком. Он-то и мешал быстро бежать лисе! Несколько ударов острыми лыжными палками

были просто позорными. Лиса всякий раз откуда-то находила силы, и быстро увёртывалась. Более того – я потерял равновесие и упал в снег, отколов часть ледяного кома от ноги лисицы. Пока выкарабкивался из сугроба, проклиная увёртливую лису, она уже была вдалеке. Ей стало легче, и она понеслась с удвоенной силой. Но и меня это разозлило невероятно! Я бормотал про себя:

– «Ну, сволочная лиса! Не на того напала! Всё равно догоню тебя!»

Погоня продолжалась ещё с километр, и лиса сдалась, остановившись. На этот раз я всё рассчитал, и промашки не было! Вскоре к беляку присоединилась лесная красавица. Она и впрямь была великолепная! Пушистый хвост волочился за спиной по снегу, когда я двинулся назад по своему следу. Только теперь я начал успокаиваться и оглядываться по сторонам. Местность была незнакомой – я никогда не заходил так далеко от деревни. Идти теперь стало значительно тяжелей, но сердце переполняла радость – вот обрадуется мать! Тревожило только одно – быстро смеркается в тайге зимой! Если станет совсем темно – я не увижу следа лыжни и заблужусь. Если будет луна – тогда и ночью можно идти по следу. А если нет?

Наконец, уже в полной темноте, подошёл к знакомым калиновым кустам. Решил:

– «По следу не пойду! Да его и не видно уже! Дегтярный ручей, насколько наслышан, выходит почти к Жирнов-

ке, а там укатанная дорога. Пусть это будет дальше, но надёжнее».

И вдруг невдалеке мелькнул огонёк, затем другой, третий. Я похолодел:

– «Волки! Всё-таки они есть, и это всё наяву! Что делать? Ведь съедят, как пить дать! Надо лезть на дерево, пока не поздно!»

Я побежал изо всех сил вдоль ручья, ища глазами подходящее дерево. Огоньки за мной! Теперь они были и на другой стороне ручья. Окружают!

Как назло – не было подходящего толстого дерева. Одни кусты и тонкие берёзки и осинки! И вдруг я уткнулся в огромный берёзовый выворотень, упавший с края оврага. Сердце бешено колотилось, я весь дрожал, как недавно моя лиса. Серые тени волков были почти у верхушки поваленного дерева, и я не рискнул обойти его – спустился вниз, пытаюсь пройти мимо выворотня, и побежать вдоль ручья. Мельком бросил взгляд на корни выворотня – там зияла непокрытая снегом большая чёрная дыра. Вдруг мелькнула догадка, когда увидел эту большую тёмную нору под выворотнем:

– «Это спасение! Мне не убежать от волков! Ещё очень далеко! Заберусь в нору и буду отбиваться палками, если сунутся. Да и охотничий нож есть! Не сдаваться! О-о-о! Здорово! Рядом лежат две сухие, довольно приличные берёзки. Их, видно, тоже повалила гигантская берёза, когда рухнула. Сейчас разведу костёр. Скорей, скорей!»

Волки, уже не таясь, скулили, визжали, выли и суетились недалеко. Я все время размахивал красным маминым шарфом, который, чуть не силком, накинула мне на шею мама, когда я торопился в лес. Знал, что волки боятся красного цвета. Всё время оглядываясь, я подтянул сгнившие берёзки к своему логову, обрубал по пути ножом сухие корни выворотня. Получилась приличная куча веток, сучков и хвороста. Мимоходом исследовал и пещерку под корнем дерева. Она была сухой и просторной. Лихорадочно соображаю:

– «Вот в таких берлогах обычно селятся на зиму медведи. Странно, как они не заметили такое жилище! Мне повезло – а то бы попал к медведю!»

Появилась луна, и стало светлее. Волки стали наглеть, постепенно приближаясь к моему схрону. Теперь я их посчитал – семь штук!

Вдруг, как по команде, они кинулись в атаку на моё жилище. От страха я так заорал громко и дико матом, отчаянно размахивая шарфом и палками, что они отступили. Вся стая расположилась в пяти-шести метрах от меня, и все сразу почему-то замолчали. Торопясь, отодрал горку бересты, достал спички и начал поджигать костерок. Какая беда! Спички отсырели и не зажигались! В голове мелькнуло:

– «Проклятая лиса! Когда она увёртывалась, я упал в снег. Да упал так, что с головой влетел в сугроб. В пимы, за шиворот фуфайки, в карманы штанов попал снег! Вот спички

и отсырели! Надо только успокоиться и потихоньку попытаться найти сухую спичку. И на коробке, наверное, остались сухие полоски».

Спички ломались одна за другой, а серная полоска на коробке скукоживалась, взъерошивалась и комкалась. Оставалось всего три спички! Я начал креститься и громко – вслух молиться Богу:

– «Боже! Спаси и помоги! Боже! Прости меня за мои грехи! Я буду верить тебе, и молиться всю жизнь – только спаси меня сейчас!»

И надо же! Предпоследняя спичка зажглась и береста взялась пламенем. Я громко закричал:

– Ура! Я спасён! Волки боятся огня! Пусть теперь сунутся!

Нервный шок прошёл, и я даже повеселел, громко кричал, разглядывая сквозь пламя костра волков:

– А вы красивые зверушки! Как обычные собачки! Что мне вас бояться? Я один раз в селе отбился от такой же стаи собак, когда они гуляли, и накинулись на меня!

Мороз крепчал, но костёр спасал меня от холода. Я вертелся, подставляя то один, то другой бок, только не рискуя повернуться к волкам спиной. Часы как будто остановились – так медленно шло время. Луна только подошла к зениту. А гора хвороста и сучьев медленно таяла. Я начал опять тревожиться:

– «Как бы продержаться до утра! Зачем я сдуру развёл сразу такой костёр? Испугался, конечно! Надо экономить!»

Встал во весь рост, и охотничьим ножом начал подрезать оставшиеся толстые корни выворотня. Волки зорко наблюдали за моими действиями. Через пару-тройку часов почти все корни я отрезал, отдолбил, отломал. Был весь в грязи, т.к. сухая земля с корня перемешивалась со снегом, и сыпалась мне за шиворот, на лицо и в пимы. Эти корни продлили агонию костра на несколько часов. Костёр теперь еле теплится. Я с ужасом понял, что до рассвета костёр мой потухнет, и волки растерзают меня.

Луна скатилась за бугор, и на моём поле битвы стало темнее. А волки и не думали ждать рассвет. Они опять осмелели, вскочили, начали прыгать и приближаться ко мне. И тут меня осенило:

– «Надо их задобрить! Подкормить! Ведь они чувствуют добычу, что я спрятал за спиной! Черт с ней! Лишь бы самому остаться живым!»

Встал, размахнулся – бросил куропаток, затем зайца. Что тут началось! Они все передрались! Раздался такой визг, лай, и рычание голодных зверей, что я сразу понял, что «эти парни не похожи на собак»!

Проглотив куропаток и зайца, волки ещё больше раззадорились и кинулись ко мне. Я схватил головёшку и начал ею размахивать, громко кричал и орал что-то бессвязное. Разжал капкан на лапе лисицы, снял его, швырнул замёрзшее

тело лисы волкам:

– «Чёрт с ней! Пропадай, красавица! Может, спасёшь меня?»

Стая мгновенно растерзала и лисицу. Они раздухарились! Им было мало моей добычи! Они хотели меня! Один, особенно наглый волк, почти протиснулся ко мне, но я ударил его в грудь копьём лыжной палки. Он взвизгнул и отступил. Я подбросил последние сучья в костёр! Понял, что наступает развязка! В голове мелькнуло:

– «Если они все сразу кинутся – мне конец! Уже рассвет! Надо что-то предпринять! Продержаться бы часок – и я спасён! Лыжи! Черт с ними! Надо ломать их и на костёр! Палки беречь! С ними я буду защищаться до последнего! Да и ножом всё равно какому-нибудь волку пропорю брюхо!»

Лыжи переломил в трёх местах. Костёр опять засветлел. Волки отступили. Рассвет медленно наступал, а костёр опять начал гаснуть. Это подбодрило стаю, и она начала опять атаковать меня. Я заорал:

– Оставьте меня в покое! Я вам всё отдал – даже краюху хлеба! Когда вы нажрётесь?

И вдруг матёрый хищник (возможно, вожак?) появился в полуметре от меня! Он поднялся на задних ногах, пытаюсь перемахнуть через почти потухший костёр на меня. Я изловчился, двумя руками, как кулисами, начал резко тыкать палками. Копьём одной лыжной палки сильно ткнул в глаза, а другим копьём пропорол брюхо. Это я почувствовал! Пал-

ка переломилась пополам от тяжёлой туши зверя (я её почти автоматически бросил в догорающий костёр). Волк дико завизжал, взмыл свечой вверх, завертелся юлой, разбрызгивая кровь на снегу.

И тут случилось чудо! Вся стая набросилась на раненого зверя, и растерзала его! Вылупив глаза, я выскочил из своего укрытия в последнюю атаку, дико закричал, кинулся в эту вакханалию, разгоняя стаю, размахивал палкой, шарфом и ножом, что-то орал и рычал, как хищный зверь! Я обезумел!

И волки отступили! Разорвав своего серого друга, они, наконец, видно, насытились и успокоились. Но не уходили – разлеглись вдалеке от моей пещеры.

Наступил рассвет. Я был в прострации, плакал и ревел, как мой трёхлетний братишка. Забился в пещеру, весь дрожал от холода и голода. Понял, что мне всё-таки не спастись от волков! Проклятые! Не уходят!

А уже показалось солнце. Страшная ночь отняла у меня все последние силы. Я стал дремать, забываться и терять интерес к жизни. Соппротивление моё было сломлено, и волкам ничто не мешало растерзать моё дрожавшее тело. Я забывался, терял сознание, опять приходил в себя. За хищниками даже не наблюдал – мне было теперь всё равно! Я был опустошён, сломлен и смят!

Вдруг, как во сне, услышал выстрел, затем другой, третий! Через некоторое время услышал детские голоса. Затем раздался громкий мужской голос:

– Он жив! Здесь он! Чёрный, грязный, но живой! Слава Богу!

Сильные руки выхватили меня из моего убежища. Придя в сознание, я открыл глаза – это был наш деревенский охотник Яшка Дроздов. Меня окружили ребяташки из нашего седьмого класса – и даже были девчонки! Все они что-то возбуждённо кричали, тормозили меня. Яшка с помощью всех ребят быстро наломал веток. Меня положили на волокушу, подложив телогрейку, охотник накинул на меня свою доху. Все дружно двинулись на лыжах в деревню – громкие разговоры, смех, шутки. Яшка Дроздов, помню, сказал:

– Что пришлось перетерпеть парнишке! Не каждый взрослый такое выдержит! Учитесь, ребятня! Малец теперь будет жить долго! Колька боролся за жизнь! Это видно по тому, как была вытоптана следами волков вся площадка перед выворотнем! Да и сгустки крови кругом. Как оклемается – сам всё расскажет! Давайте побыстрее идти! Коля! А капкан-то мой! Есть метка на нём моя! Не обижайся – я его возьму себе. Да и не нужен он тебе. Капканы тебе ещё рано иметь. Нужно умение и навыки, чтобы их ставить!

Мать, вся чёрная от тревоги, отчаяния и горя – не сомкнула глаз всю ночь. Она, оказывается, ещё до рассвета обегала

всю деревню, собрала всех, и вся ватага двинулась по моему следу, который она указала. Встретила меня, заголосила, запричитала, обнимала и рыдала от радости.

В эту зиму она больше не пускала меня в тайгу...

В пещере с Дьяволом

Вдали от Нижнего и Среднего парка обычно встречаешь неординарных людей. Им интересно ходить не в толпе со всеми по асфальту, а высоко в горах, фотографировать, созерцать красоту города и природы с высоты птичьего полёта, побыть в тишине и одиночестве. Недавно встретил интересную даму. На середине тропы останавливает меня:

– Здравствуйте! Скажите, я правильно иду к канатке?

Отвечаю:

– Вы далеко ушли в противоположную сторону от станции канатной дороги.

– Так мне надо на верхнюю станцию.

– До верней станции километров 5—6. Дойдёте до грибка, а от него влево под углом приблизительно 30—40 градусов будете с километр карабкаться до Малого Седла (пункт триангуляции), а затем вниз пару километров до Спортбазы. Там и есть верхняя станция канатной дороги.

– Нет, это далеко. Я, пожалуй, вернусь назад. Можно с вами?

Разговорились. Женщина оказалась словоохотливой. Зовут Оксана, подполковник МВД, в разводе, есть взрослая дочь, живёт в Екатеринбурге – начальник женской колонии. Десятидневная путёвка в пансионате «Скала» завтра заканчивается. Говорю ей:

– В Екатеринбурге бывал не раз. И в Нижнем Тагиле, где мой брат двенадцать лет трудился в горячем цехе Урал вагон завода. Ну и как – нравится Вам Кисловодск?

– Ещё бы! Вы живёте в раю! Я просто балдею от вашего солнца! У нас в Екатеринбурге сегодня -17 и ветер, а у нас здесь +17, тихо и солнце. Своим подругам посылаю фотки – они завидуют. В этом году была в Сочи – не понравилось. Море грязное, пляжа хорошего нет и пр. Кисловодск ваш лучше! Вот бы вам ещё море или, хотя бы, большое озеро.

– Озеро есть: даже два! Но оба сухие. Из старого спустили воду, т.к. у людей, которые живут рядом, началось подтопление. А вот наши чиновники, когда дали возможность там пришлым селиться и строить – чем думали? Те, все жители из южных республик, приехали в Кисловодск, вплотную к озеру понастроили домов, нарушая все экологические нормы. А теперь все кисловодчане оказались виноваты – детям негде летом искупаться. А второе большое озеро в 2002 году приказал спустить Шойгу, когда был министром МЧС. Вот так эти долбанные чинуши портят нам всем жизнь.

– Да, паршиво всё это!

– Но вроде теперь чиновники, вроде одумались, и будут восстанавливать большое озеро, и даже там будет гребной клуб с яхтами. Хорошо бы!

– А где здесь пещера с «Хозяином гор»?

– Да вот она – рядом. Сейчас подойдём. Только мы – коренные кисловодчане, это наскальное изображение, выпол-

ненное много лет назад каким-то неизвестным скульптором, всегда называли Дьяволом. А кто-то в санаториях придумал это выражение «Хозяин гор» для привлекательности туристов. Как, кстати, и название этой тропы – Косыгинская. С той же целью. Она всегда была Туристской тропой! Раньше была протяжённостью девять километров, а сейчас всего четыре. Остальная часть разрушилась, обвалилась, заросла кустарником – не пройти!

Я много рассказывал незнакомке о городе, парке. Говорю:
– Это у меня вторая встреча с начальницей женской колонии. Первая была лет тридцать назад. Полковничиха Зоя была в Тосно начальником женской колонии. Это в Ленинградской области. У нас была даже искромётная любовь. Она дважды приезжала в Кисловодск. О той встрече я написал хороший рассказ «Кисловодские встречи», который выиграл в конкурсах не один приз. Оксана! У вас трудная профессия. Я бы не смог работать и смотреть на унижения людей в тюрьмах и колониях. Ведь многие сидят напрасно? Расскажите правду!

– Нет, большинство всё-таки преступницы! Но есть попадают зазря. Сами виноваты! У меня душа болит за одну хорошую девочку. Леной зовут. Парится ей ещё девять лет. Взяла вину за убийство отчима на себя. Выгородила мать. А та пьяница. В прошлом году всё равно по пьянке замёрзла насмерть. Вот такие дела!

Мы подошли к пещере, в которой находился Дьявол. Ок-

сана ранее прошла мимо и не заметила её, т.к. надо было подняться в пещеру и пройти через кольцо во вторую пещеру. И только там открывался строгий и суровый образ скульптуры в камне. Оксана прошла наверх. Я остался внизу.

– А Вы почему не поднимаетесь? Сфотографируйте в пещере меня!

– Я могу вас сфотографировать снизу. А в пещеру не пойду.

– Почему?

– Нехорошее это место. Да и личный счёт, так сказать, у меня с этой пещерой. Пятьдесят лет назад здесь случилось со мной страшное событие, объяснению которому я так и не нашёл. Поэтому дал себе зарок больше не заходить в эту пещеру к Дьяволу.

– Да вы что? Сфотографируйте меня хоть издали, и обязательно расскажите, что случилось с вами здесь.

Я несколько раз сфотографировал издали Оксану. Она прошла в пещеру, долго там рассматривала изображение, ойкала и восхищалась, что-то говорила. Затем спустилась вниз.

– Так что здесь у вас произошло? Меня это очень заинтриговало. Вы знаете, я еле оторвала взгляд от вашего Демона. Он прямо притягивает.

– Дьявол или Демон – всё равно! Но что он живой, я в этом уверен!

– Вот это да! Давайте присядем на вот ту скамейку, которая впереди, и вы мне всё расскажете.

– Хорошо! Слушайте и не перебивайте.

– Согласна!

– Было это давно. Молодым я занимался серьёзно бегом на длинные дистанции. Тренировался почти ежедневно, а по воскресениям участвовал в соревнованиях в родном городе и других четырёх городах Кавминвод. Так вот, как-то летом бегу с гор домой с Большого Седла на Туристскую тропу. Запоздал что-то с тренировкой. Уже очень поздно, и практически ничего не видно. Отдыхающих и туристов давно нет – они всегда стараются уйти в город до темноты. Знают, что в горах рано и быстро темнеет. Только добежал до Туристской тропы – пошёл сильный дождь. Если бы только дождь! А то, как загромыхало! Молнии сверкают непрерывно, гром гремит так, что вроде идёт артобстрел. Аж жутко! Я мгновенно вымок. Шлёпаю по раскисшей враз дорожке, ругаюсь про себя. Добегаю до этой пещеры, и вдруг сильный дождь перешёл в ливень. Хлещет так, что сбивает с ног! Дай, думаю, чуть пережду в этой пещере этот потоп. Забегаю. И тут начинается чудо!

– Какое чудо? Ой, как интересно!

– Я же просил Вас не перебивать меня. Так вот, забежал я в первую пещеру, присел – с меня течёт. А молния так хлещет, что я увидел через круглое кольцо вторую освещённую пещеру. Сколько раз пробегал мимо и не знал про это. Обычно всегда не хватало времени лазить по горам, да я и никогда особо не интересовался окрестностями. Работа, семья и тре-

нировки поглощали всё время. Так вот, во время очередной вспышки молнии, протиснулся через кольцо во вторую пещеру и . . . похолодел! На меня из скалы смотрели кровавые глаза! Да, да! Молния осветила огромную голову, высеченную в скале, хмурые чёрные брови, горбатый хищный нос, впалые щёки, губы и ужасные глаза! Они были . . . живыми! Моргали ресницы, взгляд сверлил меня и притягивал, как кобра свою добычу. Я просто окаменел, был в прострации, и не понимал, что это такое. Сон? Наваждение? Маска изваяния зашевелилась, по лбу, щекам поползли какие-то черные шевелящиеся существа. Пещера наполнилась писком и треском. В лицо мне кидались и царапались когтями . . . летучие мыши! Это я не сразу понял! Пещера кишела мышами! Это они ползали по голове и лицу Дьявола! Наконец, я стряхнул с себя оцепенение, и кинулся назад во вторую пещеру. Сзади раздался ужасный громкий хохот, слившийся с треском грома, и сверкающими сполохами ослепительной молнии. Я кинулся наружу, но какая-то сила отбросила меня назад. Плотная стена дождя, как двойная плёнка, оттолкнула меня, я поскользнулся и опрокинулся на каменный пол пещеры. А во второй пещере всё также дико хохотал дьявольский голос, и бушевало синее пламя. Да, да – пещера наполнилась дымом или туманом, но синим, с красным оттенком. Я чуть не потерял сознание, пытался подняться, но скользил и опять падал, метался, оглушённый и потерявший дар речи, тоже только рычал, и искал выход из проклятой пещеры.

Вдруг раздался такой оглушительный треск, гром и грохот, что я чуть не сошёл с ума! Сильнейшая ослепительная молния сотрясла мою пещеру, всё задрожало, пещера качнулась, и половина скалы с грохотом отвалилась, упав на тропу. Мои ноги оказались снаружи – на краю выступа скалы, и я, наконец, выпрыгнул из пещеры. Огромная каменная глыба лежала на дорожке, полностью перегородив тропу. Ещё бы мгновение – и она задавила бы меня! Это-то чуть-чуть и спасло мне жизнь! И, странное дело, дождь мгновенно прекратился! Шум, грохот, дикий смех, вспышки молнии, как по мановению волшебной палочки, прошли и исчезли моментально! Я бежал по тропе, и всё оглядывался назад в темноту ночи, но сзади было всё спокойно....

– Да, вот дела! Вы, видно, очень суеверный? Может, вам это приснилось или, извините, вы выдумали эту историю? Больно похожа она на сказку.

– А вот внизу, видите, большой осколок той скалы лежит? И рядом ещё два. Самая большая глыба скалы скатилась вниз до самого оврага, а остальную часть бульдозером потом сдвинули и убрали с тропы. А эти остались с той, памятной для меня, ночи. Вот и лежат рядом с дорожкой уже более пятидесяти лет, каждый раз напоминая мне о той дикой ночи. А вторая пещера, где находится Дьявол, теперь оголилась после того, как отвалилась лицевая сторона скалы. Это почти шесть метров лицевой части пещер! И Дьявол теперь на свободе – он смотрит оттуда на нас. А раньше пещера была глу-

хой. Летучие мыши теперь не водятся в ней. Такая вот история! Так что, ваше право – верить мне или нет! Ещё раз повторяю – было это со мной, было! Вот почему я больше ни разу в жизни опять не заглянул в эту пещеру, хотя пробежал почти ежедневно мимо! Это было явное предупреждение мне за какие-то грехи. Я так думаю. Но, возможно, и какое-то трагическое совпадение обстоятельств. Теперь вот хожу, тоже почти ежедневно, мимо этой пещеры, т.к. очень люблю Туристскую тропу.....

Оксана всё это время восхищённо смотрела на меня, долго благодарила, и мы расстались, пойдя каждый в свою сторону...

Крепыши с дубинками

В шести-восьми километрах за горой Железной находится стоянка первобытных людей. Это научно доказанный факт! От терренкура, по обе стороны которого море цветов, отходим влево к склону горы. Вдруг оказываемся посредине небольшой поляны, окружённой зубчатым частоколом скал. Здесь, вероятно, первобытные люди разделявали туши добытых животных и жарили их на костре. Олени и, особенно кабаны, и сейчас там водятся в изобилии. Какой вид открывается с этой поляны! Внизу, до самого горизонта (почти до Лысогорки), тянется настоящий дремучий лес.

Откушав дичь, первобытные люди поднимались ещё выше, в свою пещеру, на ночёвку. Вход относительно узкий, а сама пещера человек на 20—30. Потолок закопчённый, на полу большая куча золы от костра. Я поражён этим! Говорю:

– Дети! Вы только представьте себе картину. В темноте пещеры, вот на этих углублениях, лежат женщины и дети. У входа горит костерок, отпугивая саблезубого тигра. А рядом с костром дремлют косматые-волосатые звероподобные существа с дубинами.

Они улыбаются, но видно, что не так, как я огорошены. Я же сражён и поражён увиденным зрелищем! Всегда любил мистику, страхи, сам много раз попадал в необъяснимые си-

туации.

Так вот, пещера не давала мне покоя. Я начал расспрашивать о ней у многих друзей и знакомых, работавших и живших в Железноводске. Оказывается, очень много тайн хранит она! Люди издали ночью видели почти ежедневно мерцающий отблеск костра наверху горы, где располагалась пещера. Иногда глубокой ночью оттуда доносились душераздирающие вопли. Но никто не ходил в ту сторону ночью – много шакалов, диких кабанов и прочие опасности.

И я решил ещё раз проверить себя! Смогу ли переночевать летом в той пещере? Хватит ли смелости и отваги? Осталось ли во мне что-то от той буйной молодости?

Начал уговаривать друзей. Те только смеялись надо мной: «Ты что? Для чего всё это? Ищешь на свою ж... приключений? Под пятьдесят уже – угомонись!» Никто не согласился. Это ещё больше раззадорило меня. И я всё-таки решился!

Сказал жене, что по командировке еду на один день в Ставрополь. Выехал вечером. На машине не доехал по терренкуру километра два до пещеры. Туристов и курортников не встретил – было уже поздно. Поставил на охрану «Жигули», взял спальник и пошёл в гору, по пути собирая сухие сушья, т.к. там нет сушняка и хвороста (ещё в тот раз заметил). Основательно загрузившись, уже темно подошёл к пещере. Посмотрел на часы – было одиннадцать вечера. Зажёг костерок, прилёг. Было тревожно на душе – не до сна! Так и смяк встряхивал себя, тихо матерился на свою трусость, но беспо-

койство не проходило. В костёр подкладывал понемногу, боясь, что до утра не хватит сушняка. Из детства, когда мы жили в глухой сибирской деревеньке, я знал, что вся нечистая сила (черти, ведьмы, лешии и пр.) во главе с Сатаной выходят после двенадцати часов ночи. С ужасом ждал это время. Пытался успокоить себя, даже молился Богу, поняв, что задумал дурацкую затею. Но вот уже двенадцать, час ночи – всё спокойно. Последний раз взглянул на часы – было два часа ночи! И, вроде, наконец, стал дремать! Вдруг опять встрепенулся от дрёмы! Мне показалось, что раздался тихий шорох. Я напрягся. И, правда, теперь это был, действительно, нарастающий шум и топот многих шагов. Волосы на голове стали дыбом, а по телу прокатились волны судорог. Я, беспокоясь, взглянул через почти погасшее пламя костерка, на вход в пещеру. Ужаснулся: в проёме пещеры стоял квадратный (метра полтора) волосатый крепыш с дубиной, а за ним ещё неясные тени. И сразу пещера наполнилась неприятным запахом немых тел (наподобие лошадиного пота). Это я хорошо запомнил! Тускло блеснули в свете костра глаза волосатого существа, и он сделал шаг ко мне! Я дёрнулся от ужаса и... проснулся, вскочил, ударившись головой о потолок пещеры; отчаянно и дико заорал. Крепыш исчез! Всё время крича, изо всех сил кинулся вниз с горы, рискуя сломать ноги! Чуть успокоился – за мной никто не гнался. Добежал до спасительной машины, и рванул в Кисловодск. Спальник мой так и остался в той страшной пещере. Ехал и всё время

размышлял: «Это был сон или нет? Какой сон, если я всё видел явственно, как днём? И почему в машине сейчас тот неприятный запах? Ужасный запах! Все форточки открыл, а он не проходит»

Нет, нет! Не подумайте что-то плохое! Это не мой запах – я не уср... ся. С этим всё нормально. Это точно! И когда я успел пропитаться первобытным страшным запахом «табуна зверей?» Так я и не понял окончательно, что произошло со мной той ночью в злополучной пещере. С той поры я откровенно боюсь ещё раз сходить туда. А, может, рискнуть?

Зловещее и непонятное

Аннотация

Сибирь. Деревушка в глухой сибирской тайге. Местное население – малограмотные невежественные люди, искренне верящие в нечистую силу.

По обоим берегам красивой лесной речки Шегарки раскинулось наше село Вдовино, где прошло моё детство. До областного города 250 вёрст. Кругом болота. Дорог нет. На быках ездили только по зимнику. Первые послевоенные годы. В избах только лучины, лишь у председателя сельсовета и председателя колхоза семилинейные лампы. Электричество и радио появились в селе только в 1951 году. Надо ли говорить, что народ в селе в основном неграмотный, забитый, верующий. В деревне часто происходили необъяснимые явления, и мы все истово верили, что существует нечистая сила и её вождь – сатана, и старались избегать их. Колдовали и гадали все, начиная от детей, и кончая стариками.

На деревне тема ведьм, чертей, домовых, русалок, водяных, леших, кикимор, была самой неиссякаемой. Я очень любил слушать про всё это – было страшно, но интересно. Причём, все верили в это, и я убеждался не раз, что всё это неспроста. Многим явлениям, о которых я расскажу, до сего времени не могу дать оценки.

Синопсис

К очерку «Упыри и оборотни»

Проходят чередой первые послевоенные годы в одной из деревень в глухой сибирской тайге. Местное население – малограмотные невежественные люди, искренне верящие в нечистую силу. В деревне действительно происходят необъяснимые явления и события. Вечерами собираются «на посиделки» женщины и рассказывают о своих встречах с ведьмами и чертями. Особенно страшит всех в деревне худая и чахлая одноглазая бабка Силаиха – Вихо. Она живёт на краю села и превращается то в свинью, змею или в двухметровую щуку, обитающую в трёх огромных омутах. По ночам она водит хороводы с русалками, водяными и утопленниками, а днём пытается утащить в воду маленьких детей.

В деревне случается страшная гроза, которая убивает одну женщину. Люди верят, что это Илья-Пророк Колдуют и гадают в деревне все – от мала до велика. И надо же! Все эти предсказания сбываются! Происходит ещё одно страшное событие: ночью в избе у Ивановых был домовый и оставил кровавые следы на полу. Той же весной Ивановы угорают насмерть.

Мальчишки идут осенью за клюквой и там встречают лешего. На охоте маленького героя рассказа не пропуска-

ют в тайгу тысячи косачей в образе маленьких вурдалаков. А огромный мёртвый заяц стоит на двух лапах и скалит зубы, до смерти пугая мальчишку. Пьяного отчима малыша ночью встречают черти и по команде сатаны сталкивают в обрыв. Он замерзает и погибает. Приключения с оборотнями на деревенском кладбище заставляют искренне верить в чудеса, т.к. всё сбывается.

Уже во взрослой жизни происходят два ужасных события, которым нет объяснения. Автор пытается определить суть этих непредсказуемых явлений.

Оборотни

На въезде в наше село, у притока реки Шегарки – Тетеринки располагалось кладбище. Это кладбище внушало нам, ребятишкам, страх и ужас. Про Тетеринское кладбище ходило очень много ужасных слухов, а приключившееся происшествие там в это лето с нашей старостой класса Ольгой Гуселетовой окончательно убедило нас, что там нечисто.

В начале сентября, уже учась в школе, наш класс проходил через Тетеринку, направляясь на уборку льна. Нас было много, шумно, весело, никто ничего не боялся, и мы на кладбище задержались, рассматривая могилы. Над деревянными покосившимися крестами глухо шумели опадающие осины и тополя, трава в рост человека скрывала безымянные холмики могил.

Вдруг услышали глухой шум и отрывистый вскрик. Ольга Гуселетова, рассматривая могилу какого-то знакомого, вдруг провалилась выше колен. Могилу, видно, зимой присыпали мёрзлой землёй со снегом, и она оказалась почти пустой – лишь корочка дёрна сверху. Подбежали к Ольге все разом и обомлели. Побледневшая старостиха дико, с ужасом уставилась в могилу, упершись одной ногой о край земли и безуспешно выдёргивая другую. Страшная картина поразила всех. Оскалившийся мертвец двумя руками-костями цепко держал Ольгину ногу, провалившуюся сквозь рёб-

ра груди. Пронзительно закричали, завизжали все, кидаясь врассыпную. Не потерявшая окончательно самообладание Ольга, наконец, повернула ногу и выдернула её из сложенных, как обычно при похоронах, по правилам, рук покойника на груди, и убежала, чуть не плача.

Долго обсуждали это событие на кладбище, а соседка баба Вера, когда мы ей всё рассказали, тихо и задумчиво ответила:

– Ой-я-ёй! Не к добру это! Плохое предзнаменование для девчонки! Видать, покойник зовёт её к себе!

Уже через два года, узнав судьбу Ольги Гуселетовой, я сразу вспомнил об этом случае. Ольга в расцвете сил умерла от надсады, подхватив на вилы неподъёмную копну сена. Кровь хлынула горлом, и она сразу же скончалась. А какая крепкая была! Не было ей равных по силе – даже среди мальчишек! Жаль её.

Так вот, про кладбище, водяных, домовых, леших и чертей мы любили послушать, забравшись поздними вечерами, для большего страха, под наш мост.

Тёплая летняя ночь. Миллионы звёзд на Млечном Пути таинственно и жутко подмигивают стайке притихших мальчишек и девчонок. Бледная луна наводнила всё вокруг неясными и жуткими тенями. Глаза испуганно всматриваются в пугающие переливы, бормотание струй воды речки. Нам

кажется, что вот там, среди вздрагивающих от течения камышей, тростников, водорослей за нами подглядывает водяной. Вот он поднимается, чмокает и вдруг шумно падает опять в воду, заставив замереть на полуслове рассказчика, и съёжится всех в комочки! Оказывается, это щука разгулялась на ночной охоте.

Прижавшись тесно друг к другу, и забравшись на сухой откос к самым брёвнам – накату моста, мы слушаем искусного рассказчика в таких делах – Верку Мишину. Приглушённым голосом она бает:

– Возвращалась позавчера бабка Масленничиха из Хохловки домой поздно ночью. Задержалась там у родни. Тары-бары, растабары. Кинулась – уже около полуночи. Оставляют её ночевать – бабка ни в какую не хочет! Пошла в ночь пешком. Душно. Днём дождь прошёл – тепло, как в бане парит. Подошла к Тетеринке уже за полночь. Темным-темно: хоть глаз выколи! И тишина гробовая. Жутко ей стало. Пошла потихоньку, на цыпочках, по сторонам не смотрит, идёт – не дышит. Вот уже прошла половину кладбища и вдруг сзади шорох. Оглянулась и обмерла: белый, белый мертвец стоит в пяти шагах и скалится. Задрожала всем телом бабка и кинулась бежать – белый мертвец за ней! И всё это молча, тихо, только свист негромкий сзади и шорох, как листва шумит. Бабка из последних сил бежит, а мертвец уже рядом, стонет с придыханием. Наконец, не добежав до неё, начал затихать и остановился. Оглянулась Масленничиха,

уже у крайней избы, ни жива, ни мертва! А покойник уже отстал, колышется в темноте, и как облако растаял.

Долго молчим...

– Да, я об этом сегодня тоже слышала —

– тихо говорит Лерка Аюкова:

– Бабка-то лежит в постели пластом после той ночи, не может отойти от страха. Мать была у неё.

– Ребята! А может это был и не мертвец. Я слышал, что в тёплые, влажные ночи из могил выходит метан, и если человек попадает в это облако газа, то он начинает светиться и принимает контуры человека. Идет, бежит человек – и его след за ним! Вот и всё!

Верка раздражённо замечает:

– Шурка! Тебе бы только всё упрощать. Если ты такой смелый и ничему не веришь – иди сейчас же на Тетеринку, и принеси табличку с могилы Лизки Дроздовой. Она там еле держится на ржавом гвоздике.

– Ну, уж! Иди сама!

– А месяц назад слышали, как там напугалась Дина Дубейко?

Это вступает в разговор Ирка Чадаева.

– Вот также поздно вечером подошла к Тетеринке она, тоже где-то задержалась. Страшно, ноги не идут, дрожь в теле. Невмоготу дальше идти. Присела у дороги в лопухах и чуть не плачет. Что делать? Как пройти кладбище? Оно на при-

горке между двух речек – Шегарки и Тетеринки. Не зайдёшь никак в село – только через него! Тишина, но ветерок чуть тянет со стороны кладбища. И вдруг слышит, как бы разговор там. Глянула – с горки спускаются два белых покойника! Волосы у неё поднялись дыбом, а они всё ближе – и нет у неё силы встать! Вот уже совсем рядом покойнички – зашласть от страха тётя Дина и как заорёт благим матом! А это, оказывается, ехал тихо (там же пыль по колёно), на подводе дед Кишишев. Он сидел между двух белых бидонов со сливками – вёз в Пономарёвку. А ей показалось, что это мертвецы. Так она своим криком не на шутку перепугала деда – чуть не умер тот тоже от страха! Как узнал он её, начал материться почём свет зря. Затем успокоился, развернул телегу, и отвёз её во Вдовино до первых изб.

– Это что! Вот послушайте, что там случилось в прошлое лето.

Это начинает Ирка Чадаева:

– Шёл поздненько также из Лёнзавода наш сосед белорус Кадол. Сильно подвыпил, песни поёт. Луна на небе, светло вокруг. Уже полночь была, когда дополз до Тетеринки. Вдруг слышит Кадол, что кто-то ему подпевает и как бы похрюкивает. Оглянулся, сзади идут две огромные белые свиньи и повизгивают. Не робкого десятка Кадол, но чудно ему стало, и он перестал петь, посторонился и присел с краю дороги. Свиньи прошли рядом, пригнув головы к дороге – и никакого внимания на Кадола! Прошли они, растаяли в темноте.

Поднялся Кадол, уже не поёт, пошёл опять, только удивляется:

– Ну и ну!

Уже было прошёл кладбище, глядь – чудо! На дороге сидит девочка, голову наклонила к коленям, белые, белые волосы светятся при луне, рассыпались по плечам и всё закрыли. Сидит девочка и тихо-тихо стонет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.